

Религія и политика.

Кризисъ, всколыхнувшій всю русскую жизнь до самаго дна, не могъ естественно не коснуться одной изъ сторонъ не только русской, но вообще человѣческой жизни, и религіозный вопросъ все чаще ставится передъ нынѣшнимъ поколѣніемъ не въ догматической, а чисто практической формѣ: каково должно быть отношеніе общественнаго движенія къ религіи и обратно. Во всей области запутанныхъ вопросовъ современности едва ли найдется одинъ, который вызываетъ больше разногласій, ибо самыя противоположныя политическія стремленія стараются опереться на религіозный авторитетъ и на тѣ чувства, которыя вызываются въ человѣкѣ религіознымъ воодушевленіемъ. Можетъ быть, самымъ характернымъ отличіемъ современной русской революціи отъ французской 1789 года является отсутствіе того антирелигіознаго теченія, которое замѣчалось тогда: большинство политическихъ дѣятелей игнорируютъ религію вовсе, но нѣтъ, кажется, ни одного, который поставилъ бы себѣ задачей истребить ее, и напротивъ есть цѣлая группа, которая пытается установить прямую связь христіанской религіи съ политическимъ и социалистическимъ движеніемъ. Это терпимое отношеніе къ религіи тѣмъ болѣе замѣчательно, что официальные представители господствующей церкви заявили себя въ большинствѣ такими угодливыми слугами властей предержавшихъ, такъ безропотно поддавались вмѣшательству ихъ въ дѣла вѣры и допустили такую безцеремонную эксплуатацію религіи въ интересахъ стараго порядка, что психологически была бы понятна даже слѣпая вражда къ самой религіи изъ-за ея недостойныхъ представителей.

Однако такой вражды не замѣчается, и это даетъ возможность спокойно и объективно изслѣдовать вопросъ о взаимоотношеніи двухъ великихъ факторовъ общественной жизни и прогресса человѣчества: религіи и политики. Изслѣдованіе это намъ представляется полезнымъ, потому что, во-первыхъ, мы полагаемъ, что религіозному движенію предстоитъ еще видная роль въ судьбахъ человѣчества, во-вторыхъ, нѣкоторые публицисты, увлекающіеся идеей немедленно обратить религію въ орудіе социальной политики, неправильно понимаютъ взаимоотношеніе обѣихъ и рискуютъ этимъ повредить и той и другой. Смѣшивать двѣ эти вещи была всегда тьма охотниковъ, но ничего, кромѣ вреда для человѣчества, отъ этого не выходило.

I.

Мы оставляемъ, понятно, въ сторонѣ метафизическій вопросъ объ отношеніи религіи къ другимъ сторонамъ человѣческой мысли, объ ея объективномъ и субъективномъ основаніи; мы беремъ религію какъ конкретный фактъ, достаточно извѣстный и въ его историческомъ развитіи, и въ его психологическомъ содержаніи. Мы пока отвлекаемся отъ какой-либо положительной религіи и будемъ говорить лишь о религіи вообще, переходя впоследствии къ тѣмъ частнымъ осложненіямъ, какія вносятъ въ вопросъ конкретное содержаніе христіанства. Религія въ настоящее время интересуетъ насъ, какъ факторъ соціальной эволюціи, а та фаза эволюціи, какая происходитъ на нашихъ глазахъ, не только придаетъ особый практический интересъ вопросу, но поможетъ разобраться и въ немъ.

Мы понимаемъ подъ религіей извѣстное міровоззрѣніе, объясняющее, съ одной стороны, общій строй мірозданія, доходя до его основного начала и конечныхъ цѣлей, и съ другой стороны—положеніе человѣка въ этой системѣ міра, его отношеніе къ первоисточнику всего и, въ зависимости отъ этого, конечную цѣль, его назначеніе на землѣ, откуда уже вытекаетъ практическая часть религіознаго ученія—рядъ нравственныхъ предписаній, опредѣляющихъ какъ обязанности человѣка по отношенію къ высшей силѣ, началу всѣхъ началъ, такъ и его поведеніе въ теченіе земной жизни, идеаль, который онъ долженъ себѣ ставить, и способы, которыми онъ долженъ его осуществлять. Не всякая религіозная система даетъ отвѣты на всѣ эти вопросы: греческая государственная религія не указывала человѣку никакого идеала, а сама христіанская религія даетъ весьма смутный отвѣтъ о цѣли мірозданія виѣ вопроса о спасеніи человечества, но вся очерченная область несомнѣнно принадлежитъ религіи, и чѣмъ далѣе, тѣмъ, конечно, будутъ выработанныѣ религіозныя системы, тѣмъ полнѣе и возвышеннѣе будутъ отвѣты на эти вопросы.

Кромѣ своего сверхъестественнаго источника, на который ссылаются всѣ религіи, и недоступности повѣрки ихъ основныхъ положеній рациональнымъ путемъ, религіи отличаются отъ научныхъ и отъ философскихъ системъ, во-первыхъ, обширностью своего содержанія, ибо религія не останавливается ни передъ какими преградами, которыя задерживаютъ логическую мысль или опытное изслѣдованіе, а во-вторыхъ, религія дѣлаетъ изъ своихъ положеній немедленные практические выводы, имѣющіе характеръ обязательности. Правда, метафизика старается иногда отвѣтить на самыя основы проблемы знанія, но, покидая твердую почву, она создаетъ системы, имѣющія не болѣе достовѣрности, чѣмъ религія, а между тѣмъ невыгодно отличается отъ нея тѣмъ, что, не ссылаясь на сверхъестественный авторитетъ, не въ состояніи заставить признать достовѣрность своихъ построеній, а дѣлая изъ нихъ практические выводы, вынуждена ограничиться благожелательными совѣтами, не имѣя власти требовать ихъ исполненія.

Изъ сущности религіи вытекаютъ нѣкоторыя важныя для нашего предмета слѣдствія. Во-первыхъ, религія берется отвѣтить на всѣ вопросы, охватить человѣка цѣликомъ, регулировать всю его жизнь. Во-вторыхъ, религія всѣ свои требованія предъявляетъ въ категорической, не допускающей споровъ и измѣненій формѣ. Въ-третьихъ, религія культурная, имѣющая выработанную систему морали (а такія только религіи имѣютъ теперь практическое значеніе), обращаются къ человѣку, какъ личности, требуютъ отъ него индивидуальныхъ усилій, всѣ свои идеальныя цѣли проводятъ черезъ личность, и въ этой личности религія затрогиваетъ самыя глубокія струны, обращается къ не поддающимся внѣшнему воздѣйствію интимнымъ сторонамъ человѣческой личности, находятъ свою точку приложенія въ человѣческой совѣсти. Именно благодаря тому, что религія проникаетъ всего глубже, охватываетъ человѣка безраздѣльно, она способна вызвать въ человѣкѣ такое воодушевленіе, вести его на такіе подвиги, какіе онъ неспособенъ совершить подъ вліяніемъ иныхъ побужденій. Поэтому даже, когда подобные подвиги совершаются по какимъ-нибудь инымъ, не религіознымъ мотивамъ, состояніе человѣка, способнаго подъ вліяніемъ идеи на подвигъ, склонны всегда сравнивать съ религіознымъ въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ (фанатизмъ, мученичество, миссіонерство). И дѣйствительно, когда настроеніе, вызванное въ человѣкѣ идеей нерелигіознаго свойства, доходитъ до той высоты, на которой она охватываетъ его всецѣло и ведетъ къ самопожертвованію, эта идея принимаетъ всѣ характерныя признаки религіозной идеи: безпрекословное преклоненіе передъ нею, нетерпимость къ другимъ идеямъ, стремленіе не только свою личную жизнь подчинить ей, но и весь міръ передѣлать сообразно ей.

Если брать не крайнія проявленія, гдѣ одинъ порядокъ явленій начинаетъ переходить въ другой, то изъ сопоставленія характерныхъ особенностей религіозной жизни и политической вытекаютъ важныя практическія послѣдствія.

Религія беретъ на себя задачу отвѣтить на основныя, вѣчныя вопросы міра и жизни; политика—на вопросы общественной жизни, которые она притомъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія конкретныхъ условій даннаго общества и даннаго момента. Поэтому политическое ученіе никогда не можетъ такъ всецѣло захватить человѣка, не можетъ удовлетворить его основныя запросы, ибо сами политическія ученія являются уже производнымъ продуктомъ извѣстнаго религіознаго, философскаго или научнаго міровоззрѣнія, а чаще—смѣшеніе всѣхъ этихъ элементовъ. Если находятся люди, которые всецѣло довольствуются политической жизнью и находятъ въ ней полное удовлетвореніе, то это лишь доказательство извѣстной духовной ограниченности, невниманія къ кореннымъ вопросамъ бытія, къ тѣмъ основамъ, на которыхъ сознательно или безсознательно строятся политическія убѣжденія. Вслѣдствіе зависимости политическихъ теорій отъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, доказательство которыхъ

лежать вѣ области политической мысли, политика обречена играть подчиненную роль. Политическая система есть попытка приложенія общихъ началъ къ даннымъ общественнымъ условіямъ, какъ бы эти начала ни были добыты—логическимъ, опытнымъ или сверхчувственнымъ путемъ. Какъ истины производныя, политическія ученія несомнѣнно ограниченнѣе, чѣмъ общефилософскія или религіозныя, но не только потому, что вмѣстѣ съ опроверженіемъ основного міровоззрѣнія должны сами собой пасть опирающіяся на него политическія убѣжденія, а также потому, что политика ближе къ жизни, чѣмъ метафизическая теорія или религіозное ученіе, она берется проводить нѣчто непосредственно въ жизнь и потому обязана считаться съ дѣйствительнымъ положеніемъ общества. Жизнь не допускаетъ осуществленія идей въ чистомъ видѣ, хотя бы даже эти идеи были добыты путемъ опытнаго знанія, ибо выводы науки представляютъ всетаки отвлеченіе, общія схемы развитія, которыя никогда и нигдѣ въ чистомъ видѣ не осуществлялись. Религіозныя идеи, какъ наиболѣе широкія и стремящіяся охватить все стороны человѣка, труднѣе всего примѣнимы къ жизни и потому требуютъ цѣлыхъ вѣковъ для того, чтобы войти въ жизнь, и притомъ сильнѣе всего искажаются при своемъ осуществленіи.

Въ этомъ кроется первая опасность смѣшенія религіозныхъ и политическихъ задачъ. Политика служитъ между прочимъ и для проведенія религіозныхъ идеаловъ въ жизнь (кромѣ идеаловъ, на политику вліяютъ и многіе другіе факторы). Если позволено будетъ такъ выразиться, политика является той пружиной, которая передаетъ толчокъ изъ идейной области въ практическую, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ смягчаетъ и регулируетъ этотъ толчокъ. Тѣ же идеи, которыя проповѣдуются религіей, могутъ входить и въ политическую программу, но получаютъ здѣсь иную постановку. Разница между религіозной и политической формой выраженія идей такъ же велика, какъ между художественной и научной обработкой одной и той же темы. Такъ какъ цѣли отчасти совпадаютъ, то является неудержимое стремленіе подчинить политику религіи и перенести въ первую религіозныя требованія цѣликомъ, чѣмъ какъ будто обеспечивается полное достиженіе религіознаго идеала. Но забвеніе различныхъ задачъ обѣихъ приводитъ лишь къ тому, что искажается и религіозная чистота ученія, и практическая цѣлесообразность и жизненность политической программы. Если религіозные проповѣдники обращаются въ политиковъ и превращаютъ свои нравственныя заповѣди въ законопроекты, то какъ бы они ни старались сохранить чистоту ученія,—невозможность провести идеаль, проповѣдуемый религіей, во всей чистотѣ беретъ свое, цѣльность и идеальная высота теряютъ свой блескъ и свое обаяніе отъ соприкосновенія съ жизнью и, стремясь къ практическому успѣху, религіозные политики жертвуютъ далекими и вѣчными интересами своего ученія. Насколько чистота ученія тускнѣетъ отъ внесенія его въ водоворотъ политической борьбы—это доказываетъ вся исторія христіанской церкви, и характерно, что то же явленіе

происходить съ нерелигіозными утопическими ученіями, которыя для нѣкоторыхъ замѣняютъ теперь религію: одно участіе въ парламентской дѣятельности непримиримымъ социалистамъ кажется уже измѣной принципамъ, и съ своей сектантской точки зрѣнія они правы, ибо несомнѣнно жизнь требуетъ отъ политическаго дѣятеля компромиссовъ, которые недопустимы для строгаго идеалиста. Съ другой стороны, политическая программа, стремящаяся провести идеалистическія требованія цѣликомъ, вынуждена задаваться такими цѣлями, которыя недостижимы даже для самодержавнаго повелителя, ибо всѣ попытки самыхъ абсолютныхъ правителей перекроить народъ по своему идеалу всегда оканчивались неудачей. Забирая слишкомъ высоко, программа теряетъ твердую почву подъ ногами, отрывается отъ жизни и, непосильно напрягая и разбрасывая силы той партіи, которая берется за ея осуществленіе, мѣшаетъ ей принести ту пользу, на какую она была бы способна. Мало того, такая политика дискредитируетъ самыя идеи, которымъ служить, ибо внушаетъ убѣжденіе, что эти идеи вовсе неосуществимы, тогда какъ неудача ихъ зависѣла лишь отъ неумѣлаго и поспѣшнаго введенія ихъ въ жизнь, безъ подготовки того фундамента, на которомъ онѣ могли бы быть упрочены, а въ политической области крушеніе такихъ идеалистическихъ партій ведетъ къ господству ихъ противоположности—узко-практической политикѣ, преслѣдующей лишь корыстные интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ.

Вторая опасность, какая возникаетъ отъ перенесенія въ область политики религіозныхъ принциповъ и задачъ, связана съ абсолютнымъ характеромъ религіи. Религія не терпитъ раздѣла ни съ кѣмъ, она даетъ то, что считаетъ за абсолютную истину, и потому не можетъ допустить какого-нибудь равноцѣннаго ученія, не можетъ позволить своимъ сторонникамъ служить одновременно двумъ господамъ, принимать изъ одного ученія одно, изъ другого другое. Такой эклектизмъ совершенно противорѣчитъ духу религіи, и когда онъ появляется, онъ знаменуетъ упадокъ не только данной положительной религіи, но религіознаго чувства и мышленія вообще. Тѣ нравственныя правила, которыя преподаетъ своимъ сторонникамъ религіозное ученіе, также являются абсолютными, непререкаемыми требованіями въ силу того, что они исходятъ отъ высшаго въ мірѣ авторитета. Отсюда склонность всякой религіи къ нетерпимости, которая въ извѣстномъ смыслѣ составляетъ ея неотъемлемую часть. «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии развѣ мене»,—это общій принципъ всѣхъ религій, и религія можетъ считать себя удовлетворенной, только когда всецѣло и безраздѣльно царитъ въ душѣ человѣка. Безраздѣльное господство религіи необходимо, потому что только оно обезпечиваетъ то единство мысли и чувства, которое составляетъ силу истиннаго религіознаго воодушевленія. Всякое сомнѣніе въ истинности религіи, колебаніе между двумя божествами или двумя ученіями уже раздробляетъ религіозную энергію, вноситъ смуту и разладъ въ душу, заставляетъ человѣка, пошедшаго за проповѣдникомъ, озираться назадъ, вспоми-

нать о другихъ обязанностяхъ и заботахъ и не даетъ ему того мира душевнаго, который обѣщаетъ религія, изъ-за котораго она привлекаетъ къ себѣ послѣдователей. Сосредоточить всю духовную жизнь вокругъ одного вѣрованія, подчиниться одному нравственному принципу, направить всю энергію человѣка на одну цѣль,—въ этомъ задача религіи и въ этомъ ея сила. Всякій компромиссъ только затемняетъ эту задачу, обезспливаетъ въ корнѣ религіозный энтузіазмъ. Поэтому никакая религія не можетъ обнаруживать терпимости къ другой вѣрѣ, но пока борьба остается въ нравственной области, она никакого отталкивающаго характера не приобретаетъ: слово убѣжденія, единственное ея оружіе, и въ случаѣ отпаденія или неправовѣрія послѣдователя, самое сильное наказаніе, примѣняемое въ нему,—отлученіе отъ общества вѣрующихъ, какъ вообще нарушение правилъ какого-либо союза лицъ, преслѣдующихъ однѣ цѣли, влечетъ за собой исключеніе изъ этого союза. Однако, указанное свойство религіи таитъ въ себѣ опасный зародышъ, который немедленно даетъ себя чувствовать, какъ только религіозная проповѣдь переходитъ поставленныя ей границы и обращается въ политическую пропаганду. Абсолютность требованій и нетерпимость къ постороннимъ ученіямъ переносится тогда въ политическую область. Во имя того, что религіозное ученіе опирается на высшій авторитетъ, она требуетъ себѣ въ государственной области исключительныхъ правъ, а высокая цѣль пересозданія человѣчества по принципамъ религіи даетъ сторонникамъ оправданіе въ примѣненіи самыхъ крутыхъ мѣръ воздѣйствія противъ всѣхъ, несогласныхъ съ ними. Политическіе противники становятся уже не равноправными, одинаково уважаемыми сторонами; напротивъ, одни считаются правовѣрными, остальные—еретиками, и часто секты, бывшія долго на положеніи еретиковъ, достигнувъ власти, сами становятся въ положеніе преслѣдователей (Кальвинъ). Къ прежнимъ мѣрамъ духовнаго воздѣйствія прибавляется новое—государственное принужденіе, т.-е. насиліе, и близорукимъ сторонникамъ кажется, что отъ этого сила ихъ церкви или секты возросла. Наоборотъ, она уменьшилась, потому что, взявъ новое оружіе, она покинула старое, единственное ей свойственное. Одновременное осуществленіе задачъ религіи словомъ и мечомъ психологически невозможно. Дѣйствующіе мечомъ, во-первыхъ, отталкиваютъ отъ себя массу, видящую насиліе со стороны представителей религіи, и, во-вторыхъ, сами начинаютъ полагаться исключительно на силу меча. Это средство кажется идущимъ прямо къ цѣли, чѣмъ медленная проповѣдь, оно съ виду внушительнѣе, и потому всякій союзъ съ государственной властью неизмѣнно и немедленно начинаетъ развращать то религіозное общество, которое вступило въ него. Паденіе христіанской церкви начинается съ того момента, какъ римскій императоръ взялъ ее подъ свое покровительство: богаче имуществомъ, бѣднѣе добродѣтелью,—такъ характеризовали ее въ византійскую эпоху отцы церкви. Въ свою очередь политическая жизнь страдаетъ не менѣе отъ такого противоестественнаго союза. Вся нетерпимость, на какую спо-

собна только религія, примѣняется въ политическихъ спорахъ. Противники объявляются не только врагами, а исчадіями діавола, съ которыми всё средства дозволены. Отлученіе отъ церкви кажется слишкомъ слабымъ наказаніемъ, или правильнѣе: отлученнаго отъ церкви считаютъ невозможнымъ держать и въ политическомъ союзѣ—государствѣ, и не только изгоняютъ, а сжигаютъ. Никакая свободная политическая жизнь становится невозможна, и вмѣшательство политиковъ, воодушевленныхъ религіознымъ фанатизмомъ, доходитъ до такого мелочного вмѣшательства въ обыденную жизнь, какъ запрещеніе печь плумъ-пудинги, которымъ ознаменовали свое господство англійскіе пуритане время Кромвеля. Примѣняя вмѣсто нравственнаго осужденія физическое насиліе, подобная сектантская политика сѣять, вмѣсто любви и почтенія къ религіи, ненависть и компрометируетъ не только свою религію, но религію вообще. Антиралигіозное движеніе XVIII вѣка отчасти вызывалось драконадами католической церкви.

Третье и самое опасное для религіи послѣдствіе отъ вторженія въ область политики заключается въ томъ, что теряется изъ виду основная задача ея. Религія всегда обращается къ личности, отъ нея требуетъ извѣстныхъ дѣйствій или, наоборотъ, воздержанія, и можетъ считать свою задачу исполненной, когда отдѣльная личность сознательно подчинитъ свою жизнь этимъ требованіямъ. Ходячее представленіе о сущности христіанскаго ученія, какъ проповѣди спасенія души, выражаетъ неполно и вульгарно одну изъ основныхъ чертъ не только христіанскаго, но и всякаго культурнаго религіознаго ученія: буддизмъ или магометанство не менѣе стремятся доставить вѣрующему райское блаженство или забвеніе нирваны и содержать рядъ нравственныхъ правилъ. Въ древнихъ государственныхъ религіяхъ, наприм., греческой и римской, имѣется та же черта, съ тѣмъ лишь различіемъ, что нравственныя правила исчерпываются ритуаломъ, а забота о спасеніи личности замѣнена заботой о благополучіи домашнаго очага, племени, города или государства. Именно поэтому въ древнихъ государствахъ возможно было такое тѣсное единеніе государства и религіи и именно въ словахъ Христа «воздайте кесарю—кесарю, а божье—Богу», заключался капитальный переворотъ, внесенный въ міръ христіанствомъ. Непониманіе этихъ словъ и отзвукъ языческаго міровоззрѣнія въ византійскихъ императорахъ повелъ къ искаженію задачъ православной церкви, къ забвенію истиннаго характера религіи во всей ея чистотѣ. Работа надъ личностью человѣка, посредничество между нею и Богомъ составляетъ основную задачу христіанской церкви, и мы не можемъ себѣ представить теперь религіи, которая отвергла бы эту задачу, потому что сознательная человѣческая личность уже не можетъ разсматриваться никакимъ ученіемъ, какъ простая клѣтка общественнаго организма. Если экономическій матеріализмъ склоненъ смотрѣть на человѣка, какъ на простой продуктъ экономическихъ условій, то это лишь одно изъ противорѣчій его догмы съ идеальными требованіями свободнаго развитія личности, какія онъ же себѣ ставитъ, и въ практической области это про-

творчіе приводить къ другому: возлагаѣ надежду на экономическую эволюцію, какъ на единственный факторъ прогресса, партія, раздѣляющая это ученіе, однако, занимается усердиѣе всѣхъ другихъ партій распространеніемъ своихъ взглядовъ и вербовкой сторонниковъ, придавая преувеличенное значеніе численному превосходству партіи.

Всякая политическая партія, несомнѣнно, дѣйствуетъ помощью привлеченія къ себѣ членовъ, путемъ убѣжденія лицъ, но это лишь въ цѣляхъ завоеванія политической власти. Привлеченіе членовъ является только оружіемъ, главной же цѣлью остается проведеніе принциповъ партіи въ жизнь черезъ посредство государственной власти. Привлеченіе членовъ имѣетъ значеніе только, поскольку эти члены являются въ государствѣ полноправными, и только при господствѣ всеобщаго и равнаго голосованія является необходимостью привлекать къ себѣ большинство населенія. Этого абсолютнаго большинства не имѣетъ ни одна господствующая партія, потому что всегда масса избирателей вовсе воздерживается отъ того, чтобы проявлять свою волю, а среди противниковъ встрѣчаются разныя теченія, которыя разбиваютъ голоса оппозиціи и тѣмъ доставляютъ власть относительно сильнѣйшей партіи, иногда сильной не числомъ голосовъ, а составомъ членовъ или матеріальнымъ богатствомъ. Къ этому завоеванію власти направлены усилія всякой политической партіи, причемъ въ конституціонной странѣ власть завоевывается въ открытомъ избирательномъ бою, а въ неконституціонной—при помощи придворныхъ интригъ, а иногда кровавыхъ переворотовъ. Все, что партія дѣлаетъ, направлено къ этой цѣли, въ ней смыслъ существованія партіи и только съ момента полученія власти развертывается она во всю ширь, только тогда можетъ она осуществлять свою программу. Достоинство личностей, составляющихъ партію, интересно для нея, только поскольку отъ ихъ талантовъ зависитъ успѣхъ партіи и, напротивъ, отъ ихъ ошибокъ и злоупотребленій можетъ пострадать ея репутация. Даже искренность убѣжденій не играетъ первой роли. Извѣстный обязательный нравственный уровень, который поддерживается во всѣхъ порядочныхъ партіяхъ путемъ исключенія недостойныхъ членовъ, является уже уступкой этически-религіознымъ воззрѣніямъ, и даже когда доходитъ до крайности, наприм., въ дѣлѣ исключенія Парнеля изъ партіи за прелюбодѣяніе, нравственная тенденція является элементомъ, привнесенымъ со стороны, чуждымъ политической программѣ партіи. Мы не хотимъ этимъ выразить осужденіе такому привнесенію, напротивъ, мы считаемъ необходимымъ подчинить и политическую борьбу извѣстнымъ нравственнымъ принципамъ, но тутъ уже политическая сторона отходитъ на второй планъ, больше того, страдаетъ, какъ въ дѣлѣ Парнеля, и оттого завзятые политики очень часто снисходительно смотрятъ на нравственные проступки своихъ сочленовъ ради интересовъ партіи. Сочетать нравственную чистоту съ успѣшнымъ преслѣдованіемъ своихъ партійныхъ цѣлей составляетъ весьма трудную тактическую задачу всякой партіи.

Въ религіозномъ обществѣ—церкви, сектѣ, коммунѣ—нравственное до-

стоинство личности выдвигается на первый планъ, во-первыхъ, потому, что именно объ усовершенствованіи личности и хлопочетъ религія, въ этому направлены всѣ ея учрежденія, а во-вторыхъ, она не имѣетъ иного способа осуществить свой идеаль въ жизни, какъ при помощи личностей. Такъ какъ ея задача чисто нравственная и таковы же орудія борьбы (пока она не искажилась отъ союза съ свѣтской властью), то она не можетъ рассчитывать на какое-либо внѣшнее воздѣйствіе, на иной способъ пересоздать человѣчество, какъ медленнымъ путемъ проповѣди и добровольной организациі его на новыхъ началахъ. Нѣтъ того момента, когда увеличеніе числа сторонниковъ давало бы право религіозному обществу подчинить остальныхъ, невѣрующихъ, своей дисциплинѣ, во имя своей религіи передѣлывать ту часть человѣчества, хотя и меньшинство, которая добровольно не вошла въ церковную ограду. Пересозданіе міра по идеалу религіи можетъ послѣдовать, только когда она обратитъ дѣйствительно все человѣчество.

Разумѣется, такой путь пересозданія человѣчества очень дологъ и труденъ, и политика тѣмъ опасна для религіи, что она соблазняетъ ее перспективой легкой побѣды: завоевать власть даже въ конституціонномъ государствѣ, конечно, легче, чѣмъ убѣдить всѣхъ гражданъ примкнуть къ данной церкви. Казалось бы, что какъ только будетъ завоевано достаточное число голосовъ для образованія сильной партіи въ парламентъ, задача церкви или секты сразу облегчается, ибо она пріобрѣтаетъ новое оружіе. Оставимъ въ сторонѣ случаи, когда религіозная партія прибѣгаетъ къ грубому насилію,—объ этомъ говорено выше. Здѣсь дѣло идетъ о строго-конституціонномъ оружіи свѣтскаго законодательства, согласнаго съ волей народа, т.-е. большинства или того, что принимается въ данную минуту за большинство политическихъ гражданъ. И это конституціонное оружіе такъ же вредно для религіи, какъ грубое насиліе. Во-первыхъ, въ существѣ государства заключается принципъ принужденія, поэтому самый конституціонный законъ будетъ всетаки насиліемъ по отношенію къ несогласнымъ съ нимъ. Потребности современнаго государства не позволяютъ обойтись безъ этого насилія, въ немъ «политическая необходимость» нынѣшняго человѣчества, и отрицаніе его является слѣдствіемъ односторонняго увлеченія идеалистической точкой зрѣнія, примѣненіемъ къ политикѣ мѣрки религіи. Но оставаясь на точкѣ зрѣнія религіи, нельзя не признать полную недопустимость этого принужденія, непозволительность проведенія религіозныхъ идей путемъ чуждаго имъ по природѣ политическаго механизма. Ни отъ одного человѣка не имѣетъ права религія требовать жертвъ и стѣсненій иначе, какъ по добровольному и искреннему убѣжденію. И всякое такое принужденіе, повторяемъ, сдѣлаетъ ненавистнымъ имя религіи тѣмъ, кто ее еще не исповѣдуетъ.

Не меньшее зло въ употребленіи политическаго механизма въ цѣляхъ достиженія задачъ религіозной общины заключается въ механичности такого способа дѣйствія. Даже по отношенію къ своимъ сторонникамъ рели-

релігійне общество должно проявлять величайшую осторожность въ принужденіи, потому что только тѣ предписанія религіи или духовной власти будутъ исполняться, которыя соответствуютъ убѣжденію большинства. Есть случаи, когда практическая потребность заставляетъ членовъ одной общины держаться какого-нибудь однообразнаго образа дѣйствій, наприм., ставить извѣстныя условія вступленія въ общину, распоряжаться имуществомъ общины, опредѣлять свое отношеніе къ внѣшнему міру; но въ этихъ случаяхъ сама община функционируетъ, какъ политическое учрежденіе, всѣ эти вопросы для нея сравнительно второстепенны. Но имѣя въ рукахъ орудіе свѣтской власти, духовное общество всегда будетъ склонно разрѣшать путемъ парламентскихъ актовъ такіе вопросы, которые вовсе не подлежатъ такому способу рѣшенія, ибо для общества и для его руководителей проще пустить въ ходъ законодательную машинку, чѣмъ перевоспитывать своихъ сторонниковъ. Поэтому даже въ государствѣ, гдѣ большинство населенія принадлежитъ къ одному исповѣданію, дѣла вѣры и церкви должны быть строго отдѣлены отъ свѣтскихъ дѣлъ; тѣмъ болѣе это необходимо въ государствѣ съ разновѣрнымъ населеніемъ и въ періодъ броженія и неурядицъ народной жизни.

Поэтому намъ представляется противорѣчіемъ въ принципѣ говорить о релігійно-политической партіи, въ самомъ названіи заключающей соединеніе несовмѣстимыхъ началъ. Въ тотъ день, когда релігійное движеніе сводится къ образованію политической партіи, оно переходитъ на иную, низшую ступень и признается въ своемъ безсиліи дѣйствовать только релігійнымъ способомъ. Интересно отмѣтить, что въ эпоху своего процвѣтанія ни одна религія, ни одна церковь не обнаруживаетъ желанія стать политической партіей. Эта мысль возникаетъ только или у слабыхъ релігійныхъ теченій, которыя не надѣются достигнуть преобладанія путемъ одной проповѣди или не имѣютъ на это терпѣнія, или же у релігійныхъ церквей и сектъ въ минуту начинающагося упадка, когда политическая власть, добытая тѣмъ или другимъ путемъ, можетъ поддержать искусственно еще нѣкоторое время ихъ существованіе, давая имъ возможность избѣжать тѣхъ реформъ, которыя требуются для настоящаго возрожденія релігійной жизни. Преслѣдованіе политическихъ задачъ, вовлеченіе въ кругъ политической борьбы со всѣми ея повседневными заботами и дрязгами, которыхъ не можетъ избѣжать партія, играющая роль въ парламентѣ, способны только заглушить истинное сѣмя религіи, какъ терніи евангельской притчи. А постоянное соприкосновеніе съ другими партіями, среди которыхъ приходится отвоевывать себѣ мѣсто, соблазняетъ къ употребленію тѣхъ же средствъ борьбы, какъ и онѣ, и роняетъ ниже прежняго уровня нравственную чистоту церкви, вмѣсто того чтобы вести ее впередъ. Исторія клерикальных партій на Западѣ со всѣми ихъ интригами достаточно извѣстна, чтобы о ней говорить. Антисемитизмъ является однимъ изъ самыхъ уродливыхъ, но характерныхъ порожденій этого противоестественнаго смѣшенія задачъ религіи и политики.

II.

Всѣ вышеизложенныя общія замѣчанія могутъ быть примѣнены и станутъ болѣе понятны отъ провѣрки на произведенной у насъ въ настоящее время попыткѣ образовать религіозную политическую партію. Мы говоримъ не о союзѣ церковнаго возрожденія, который задается скромными цѣлями реформы церкви и является партіей только внутри церкви, а о «Христіанскомъ братствѣ борьбы».

Его тѣмъ болѣе интересно взять за образецъ, что оно совершенно чуждо всякихъ клерикальных тенденцій. Выставляя на своемъ знамени евангельскіе принципы, оно не примыкаетъ ни къ какому существующему вѣроисповѣданію, во всякомъ случаѣ не обладаетъ узкостью ни одного изъ нихъ. Искренность его основателей стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и засвидѣтельствована тѣми гоненіями, каковымъ уже подверглось братство, а широта цѣлей, какія оно себѣ ставитъ, стремленіе привести въ связь религіозное движеніе съ освобожденіемъ трудящихся массъ, социализмъ искренній, а не показной, какъ у католическихъ социалистовъ, дѣлаетъ это братство достойнымъ вниманія, несмотря на его незамѣтную пока роль въ нашей общественной жизни. Ошибки, которымъ оно, по нашему мнѣнію, поддавалось, могутъ тѣмъ убѣдительнѣе показать невѣрность самаго его пониманія взаимоотношенія религіи и политики, которыя оно хочетъ сблизить. Мы подчеркиваемъ, что оно пока не заняло виднаго мѣста въ ряду русскихъ политическихъ партій, ибо оно во многомъ такъ близко подходитъ къ народному міровоззрѣнію и иногда идеи его встрѣчаютъ въ народѣ такой живой откликъ, что мы нисколько не удивимся, если оно, несмотря на слабую по своей двойственности платформу, будетъ расти и укрѣпляться.

Отсутствіе постоянного органа партіи, разбросанность идей ея по отдѣльнымъ брошюрамъ мѣшаетъ въ точности составить себѣ представленіе о партіи и пріобрѣсти твердую почву для критики. Однако можно съ несомнѣнностью сказать, во-первыхъ, что это одна изъ освободительныхъ «лѣвыхъ» партій. Съ искреннимъ пафосомъ говорятъ авторы братства о современномъ положеніи Россіи, клеймятъ наравнѣ съ правительствомъ ту официальную церковь, которая освящала угнетеніе народа и сама довела себя до полного безправія и растлѣнія. Мало того, братство можно даже отнести къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ, какъ одну изъ социалистическихъ партій. Его сознательно и ясно выставленная цѣль—создать политическую партію для проведенія въ жизнь принциповъ Евангелія, въ которомъ основатели братства видятъ религіозное освященіе социализма и демократизма.

Центральный пунктъ его программы—отрицаніе на основаніи Евангелія частной собственности и соответственное требованіе социалистической перестройки общества. Отмѣна частной собственности вносится въ программу братства уже не какъ секты, а какъ политической партіи. На этомъ примѣрѣ рельефно выясняется и основная тенденція братства и главная его ошибка; поэтому мы на немъ остановимся подробнѣе.

Изслѣдовать подробно отношеніе христіанской церкви къ праву собственности не входить въ нашу задачу, но мы всетаки отмѣтимъ, что само Евангеліе не даетъ категорическаго отвѣта на вопросъ о допустимости собственности и, во всякомъ случаѣ, подходитъ къ вопросу совсѣмъ съ другой стороны, чѣмъ современный социализмъ. Стремленіе рѣшать конкретныя политическія задачи было такъ чуждо Христу, ни минуты не упускавшему изъ виду свою особую цѣль, что онъ отклонялъ отъ себя рѣшеніе практическихъ вопросовъ, какъ тогда, когда фарисеи пытались втянуть его въ національную распрю, предложивъ вопросъ о законности уплаты податей римскому кесарю, такъ и въ томъ мало извѣстномъ случаѣ, когда одинъ еврей просилъ его раздѣлять ему съ братомъ наследство: «Кто поставилъ меня судить или дѣлить васъ?... Берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ избытка его имѣнія» (Лука, гл. 12, с. 13—15). Предостереженіе нравственнаго характера, которое сопровождало отказъ отъ вмѣшательства въ мелкія повседневныя дѣла, только сильнѣе оттѣняетъ дѣйствительную точку зрѣнія Евангелія на собственность. Христосъ не считалъ ея абсолютно недопустимой, но видѣлъ въ ней опасность для нравственнаго совершенства человѣка и неоднократно подчеркивалъ, какъ неважны для самого собственника тѣ блага, какія можетъ дать ему богатство. Онъ несомнѣнно былъ не менѣе рѣшительный врагъ буржуазности, чѣмъ современные социалисты, но потому, что она развращаетъ прежде всего самого обладателя богатствъ, дѣлаетъ его негоднымъ для царствія небеснаго. Онъ протестовалъ противъ собственности, но не только во имя обдѣленныхъ ею, а еще болѣе во имя нравственныхъ задачъ человѣка, и не могъ бы помириться съ собственностью и буржуазностью, даже если бы общее богатство достигло такой высоты, что каждый членъ общества имѣлъ бы все необходимое: самое стремленіе къ улучшенію своего матеріальнаго положенія вызывало неодобреніе, на основаніи чего обезпеченные люди лицемѣрно проповѣдовали народу, что онъ не долженъ мечтать о лучшей долѣ, а быть довольнымъ посланной отъ Бога нищетой. Не столько отрицаніе собственности, сколько пренебреженіе къ ней проходитъ красной нитью въ Евангеліи, но рядомъ съ этимъ имѣются прямыя предписанія, вытекающія изъ заповѣди любви къ ближнимъ: «просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся» (Мате., гл. 5, ст. 42). Обязанность помогать всѣмъ, вплоть до отдачи послѣдней рубашки, достаточно подчеркнута въ Евангеліи, наконецъ, одно мѣсто включаетъ въ себѣ нѣчто, что можетъ быть понято и какъ принципиальное отрицаніе права собственности, а именно совѣтъ богатому юношѣ: «если хочешь совершенъ быть, иди и продай имѣніе твое и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ, и приходи и слѣдуй за мной» (Мате. гл. 19, ст. 21). Обязанность отдавать все для помощи братьямъ и признаніе, что совершенство достижимо лишь при отсутствіи всякой собственности, практически ведетъ къ уничтоженію собственности въ идеальной христіанской общинѣ, и этотъ выводъ правильно сдѣлалъ г. Эрнъ въ своей

брошюрѣ о «Христіанскомъ отношеніи къ собственности». Можно бы сказать, что христіанство заставляетъ смотрѣть на свою собственность, какъ на чужую, и не дорожить ею, какъ это указано въ подавшей поводъ къ такимъ нелѣпымъ толкованіямъ притчѣ о неправедномъ управителѣ. Но здѣсь и лежитъ различіе между отрицаніемъ собственности въ христіанствѣ и въ социализмѣ. Христіанство нападаетъ не столько на принципъ собственности, сколько на злоупотребленіе ею, на алчность, буржуазный эгоизмъ и накопленіе богатствъ, противъ котораго отцы церкви гремѣли обличеніями не менѣе социалистовъ. Требования, чтобы непременно все имущество было общее, чтобы ни одинъ не получалъ больше другого, отрицанія какой бы то ни было, хотя бы мелкой, собственности въ Евангеліи нѣтъ. Напротивъ, совѣтъ богатому юношѣ, начинающійся словами: «если хочешь быть совершенъ», показываетъ, что самъ Христосъ не рѣшался ставить, какъ обязательное для всѣхъ требованіе, отреченіе отъ собственности, а вводилъ его лишь какъ высшій христіанскій идеалъ. Несомнѣнно, что съ достиженіемъ христіанскимъ обществомъ этого идеала собственность сама собой упраздняется, но здѣсь лежитъ второе отличіе христіанства отъ социализма—упраздненіе собственности выдвинуто какъ обязанность собственниковъ, а не какъ право народа, и все достоинство отреченія отъ собственности заключается въ добровольности отреченія, цѣлью же отреченія служить не новое устройство общественнаго порядка, а прямое сокращеніе заботъ о матеріальныхъ благахъ: матеріальному богатству противопоставляется не матеріальное равенство, а матеріальная бѣдность: отвергни все и приходи, слѣдуй за мной, награда за это ждетъ тебя на небесахъ. Эта черта настолько очевидна въ Евангеліи, что она повела, во-первыхъ, къ идеализированію нищеты ради нищеты въ нѣкоторыхъ сектахъ и монашескихъ орденахъ, во-вторыхъ, къ тому механическому, бездушному, даже эгоистическому благотворенію, которое раздастъ милостыню не ради того, чтобы помочь бѣдному, а чтобы куинтъ богатому царство небесное. Полнаго отрицанія собственности въ христіанствѣ не проводилось, и если ссылаются на самые первые годы существованія христіанской общины, то здѣсь возводятъ въ принципъ то, что фактически могло осуществиться въ тѣсномъ кружкѣ первыхъ послѣдователей. Наказаніе смертью христіанина Ананіи, которое придаетъ характеръ обязательности общности имущества, послѣдовало, какъ совершенно ясно видно изъ разсказа автора «Дѣяній», лишь въ возмездіе за обманъ; укоръ апостола: «Чѣмъ ты владѣлъ не твое ли было, и пріобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось?» (Дѣянія гл. 5, ст. 4) показываетъ, что даже тогда, въ самыя первые времена, отдача имущества была дѣломъ добровольной жертвы, а не обязательствомъ, и за одно нежеланіе отдать свое состояніе христіанинъ не могъ подлежать отвѣтственности передъ общиной. Основатели христіанства оказались лучшими психологами, чѣмъ всѣ послѣдующіе сектанты, которые пытались ввести обязательный коммунизмъ, и чѣмъ современные намъ христіанскіе социалисты.

Неправильное толкованіе евангельскаго ученія, какъ категорическаго отрицанія собственности, составляетъ лишь половину ихъ ошибки; другую половину составляетъ стремленіе перенести въ практическое требованіе конечный идеалъ христіанства. Къ этому случаю примѣнимо все, что выше сказано про невозможность пересаживать прямо въ политическую программу религиозные идеалы, и исторія христіанства лучше всего это доказываетъ. Первоначальное общеніе имуществъ могло практиковаться, пока общество послѣдователей Христа ограничивалось тѣснымъ кружкомъ лицъ; съ дальнѣйшимъ движеніемъ христіанства оно исчезло и замѣнилось взаимопомощью отдѣльныхъ церквей, буржуазнымъ учрежденіемъ, по мнѣнію современныхъ социалистовъ. Христіанскія секты, возводившія коммунизмъ въ правило, не вышли изъ узкаго круга приверженцевъ. Человѣчество не dorosло до такой формы общежитія, и даже въ вѣка искренняго и живого воодушевленія христіанскими идеалами у массы послѣдователей не хватало нравственной высоты послѣдовать совѣту, данному богатому юношѣ. Съ этимъ свойствомъ человѣка приходилось считаться даже въ предѣлахъ христіанской церкви, тѣмъ болѣе приходится считаться государству, господствующему не надъ одними правовѣрными христіанами.

При величайшемъ религиозномъ подъемѣ, можетъ быть, можно было бы отмѣнить право собственности, но въ слѣдующій же моментъ эта собственность начала бы возрождаться подъ давленіемъ человѣческой природы. Чтобы упразднить собственность, необходимо было бы не только преобразовать организацію производства, но передѣлать человѣческую психику. Собственность до сихъ поръ служила стимуломъ прогресса, увеличенія народнаго богатства, и пока человѣчество не можетъ обойтись безъ этого стимула, онъ не можетъ быть упраздненъ никакимъ законодательнымъ или религиознымъ учрежденіемъ. Христіанство задается цѣлью преобразовать психику, выдвигая нравственныя потребности въ противовѣсъ матеріальнымъ, но только постепенное вліяніе его на членовъ христіанской общины можетъ довести ихъ до отреченія отъ собственности. Невозможность отмѣны теперь же этого института настолько очевидна, что ни одна социалистическая партія, кромѣ максималистовъ, не ставитъ этого требованія въ своей практической программѣ. И христіанскимъ социалистамъ приходится или сохранять цѣлость и чистоту евангельскаго ученія, какъ они его понимаютъ, и тогда задаваться явно несбыточными цѣлями въ политикѣ, или принимать въ соображеніе условія политической жизни, идти на обычный въ политикѣ компромиссъ, и тогда терять ту цѣльность и послѣдовательность выполненія требованій христіанства, которымъ они хотятъ выдѣлать себя изъ общей массы вялыхъ или вовсе лицемѣрныхъ послѣдователей Христа, чтущихъ его лишь устами. Высокая и симпатичная цѣль оживленія христіанской жизни въ духѣ первыхъ вѣновъ сбивается и обращается въ утопію, потому что попала на несоотвѣтственный ей путь политической агитаціи.

Слабость программы христіанскихъ социалистовъ не въ этомъ только

одномъ, и противорѣчивость ея лежитъ глубже. Она приближается къ социалистическимъ партіямъ не однимъ отрицаніемъ права собственности; по всей терминологіи, по основной точкѣ зрѣнія на общественныя отношенія, это—та же марксистская программа, но основанная на цитатахъ изъ Евангелія. Вотъ въ этомъ и заключается величайшая несообразность, угрожающая сдѣлать безплоднымъ все новое движеніе религіозной мысли.

Марксизмъ представляетъ спорное, но во всякомъ случаѣ цѣльное ученіе, не просто политическую программу, а особое міровоззрѣніе съ своей наукой и философійей. Изъ этого построенія нельзя вырывать программы и нельзя заимствовать тактики партіи безъ тѣхъ научныхъ и этическихъ положеній, на которыхъ она основывается. Программа социаль-демократіи вытекаетъ изъ марксовскаго ученія о смѣнѣ капиталистическаго строя социалистическимъ, которая должна произойти, во-первыхъ, благодаря естественному развитію хозяйственныхъ отношеній и крушенію капиталистическаго строя подъ гнетомъ его внутреннихъ противорѣчій, во-вторыхъ, непосредственнымъ созидателемъ новаго строя долженъ быть политическій насильственный переворотъ, диктатура пролетаріата. Нравственное совершенство личности рѣшительно не причесть въ этой теоріи общественнаго переворота. Напротивъ, личность признается продуктомъ общественныхъ, въ частности производственныхъ отношеній. Совершенно чуждо этой доктринѣ и отрицаніе физическаго насилія, проповѣдуемое Евангеліемъ. Кто ударитъ тебя въ одну щеку, подставь ему и другую,—эта заповѣдь до такой степени расходится съ самыми основными принципами всякой, а тѣмъ болѣе революціонной политики, что въ устахъ политика можетъ возбудить только недоумѣніе и насмѣшку. Л. Толстой, съ непреклонной последовательностью проводя свою проповѣдь непротивленія злу, дошелъ совершенно логично, съ его точки зрѣнія, до полного отрицанія политики, до пассивнаго анархизма. Люди, стоящіе на почвѣ Евангелія, не могутъ смотрѣть на человѣческую личность, какъ на механической продуктъ условій производства, а потому простое развитіе хозяйственной эволюціи человѣчества имъ ничего не обѣщаетъ. Они не могутъ и проповѣдовать насильственное измѣненіе существующихъ отношеній, ибо, даже выводя изъ Евангелія полное отрицаніе собственности, они не могутъ въ немъ найти ни малѣйшаго оправданія насильственнаго низверженія нынѣшняго порядка вещей; нужно поставить все христіанское ученіе вверхъ ногами, чтобы изъ требованія раздать другимъ свое имѣніе вывести право этихъ другихъ взять его себѣ насильно, не дожидаясь раздачи. Тому, кто находитъ, что народъ не можетъ дожидаться добровольной раздачи имѣній богачами, приходится въ подкрѣпленіе своихъ требованій ссылаться уже не на Евангеліе.

Въ этомъ последнемъ вопросѣ—о способѣ осуществленія христіанскаго идеала—еще болѣе, чѣмъ въ вопросѣ о программѣ, Христіанское братство борьбы отклоняется отъ своей основы и запутывается въ самыхъ явныхъ несообразностяхъ. Передъ христіанскимъ политикомъ стоитъ вопросъ о

насилія, какъ способъ общественной борьбы, и въ особенности онъ обостренъ теперь, когда насиліе кажется единственнымъ средствомъ свергнуть тотъ гнетъ, какой тяготѣетъ надъ народомъ. Г. Свенцицкій занялся этимъ вопросомъ, но къ какимъ же результатамъ онъ пришелъ? По его мнѣнію, насилія между христіанами недопустимы, но «христіане могутъ и должны прибѣгать къ насилію въ отношеніи невѣрующихъ (понимая это слово въ нашемъ смыслѣ)» («Вопросы религіи», вып. I, стр. 37). Рѣшеніе вопроса болѣе чудовищное, чѣмъ даже то, какое давала католическая церковь, ибо у нея, по крайней мѣрѣ, былъ объективный признакъ—крещеніе, принятіе ученія церкви—для отличія своихъ и чужихъ; г. же Свенцицкій отдѣляетъ козлищъ отъ овецъ по совершенно неопредѣленному, произвольному признаку христіанъ «въ нашемъ смыслѣ» и затѣмъ благословляетъ, неизвѣстно на основаніи какого евангельскаго положенія, всякое насиліе надъ «невѣрующими», то есть надъ всѣми, кто будетъ несогласенъ съ членами Христіанскаго братства борьбы! Несомнѣнно такой призывъ «бей невѣрныхъ» могъ вырваться у г. Свенцицкаго только по недоразумѣнію, и онъ его впоследствии возьметъ обратно, не желая уподобляться Магомету; но тогда передъ нимъ вновь встанетъ такъ плохо рѣшенный имъ вопросъ, разрѣшается ли христіанамъ насиліе, и если нѣтъ, то какимъ способомъ будетъ дѣйствовать Христіанское братство борьбы?

III.

Какимъ же образомъ слѣдуетъ разграничить сферу религіи и политики, каковы должны быть взаимныя отношенія обѣихъ? Что могутъ онѣ дать другъ другу?

Изъ всего предыдущаго изложенія уже вытекаетъ, что мы придаемъ самостоятельное значеніе религіи, какъ фактору и индивидуальной, и общественной жизни. Мы считаемъ совершенно несостоятельнымъ сведеніе религіозныхъ явленій къ бессознательному отраженію экономическихъ явленій, къ идеологіи общественныхъ классовъ. Всѣ попытки доказать это на историческихъ примѣрахъ были основаны на грубомъ игнорированіи сложныхъ психическихъ процессовъ и на явной натяжкѣ историческихъ фактовъ: одна и та же христіанская религія попеременно является то идеологіей обездоленныхъ классовъ, то порожденіемъ и средствомъ закрѣпленія господства имущихъ классовъ, при чемъ она оказывается въ равной мѣрѣ слугой и капиталистическаго, и феодальнаго строя, и византійскаго императорскаго владычества.

Соприкасаясь со всѣми сторонами человѣческой жизни, испытывая на себѣ вліяніе и экономическихъ, и всякихъ другихъ отношеній, доводимая своими собственными слугами часто до полного извращенія, религія тѣмъ не менѣе занимаетъ совершенно самостоятельное мѣсто въ человѣческой психикѣ и въ исторіи. Та сила, которая создаетъ ее, происходитъ изъ своеобразной потребности человѣческаго духа и по вышеописаннымъ уже причинамъ является одной изъ величайшихъ силъ исторіи. Нѣтъ никакого

основанія считать эту силу, которая способна сдвигать горы, исчезнувшей въ человечествѣ, ибо и теперь мы наблюдаемъ всплывши религіознаго чувства, напримѣръ, въ нашихъ духоборахъ, повторившихъ если не исторію древнихъ мучениковъ, то сектантовъ времени реформации. Всѣмъ этимъ попыткамъ нехватаетъ только оригинальности, недостаетъ одной объединяющей идеи, которая слила бы въ одно всё разрозненные ручки религіозной жизни. Въ русскомъ народѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ европейскихъ, сильна эта склонность къ религіозному способу воспріятія идей, и не только потому, что онъ невѣжественъ, а по особому складу національнаго ума и характера, отчасти, можетъ быть, по близости къ азіатскому Востоку съ его пытливостью въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ міра и недостаткомъ упорства въ ежедневной политической борьбѣ.

Но признавая важное значеніе религіознаго фактора въ общественной жизни, необходимо отграничить его отъ политическаго, во избѣжаніе тѣхъ злоупотребленій именемъ религіи, какія происходятъ съ смѣшенія обоихъ, и въ обезпеченіе самой религіи правильнаго и соответственнаго ея истинной природѣ развитія.

Взаимоотношеніе и вмѣстѣ различіе религіи и политики сводится, по нашему мнѣнію, къ тому, что политика беретъ человѣческія личности какъ готовый матеріалъ и изъ нихъ старается построить наиболѣе соответственное ихъ потребностямъ зданіе государственнаго и общественнаго устройства. Религія же перерабатываетъ самый матеріалъ; она не довольствуется тѣмъ, что находитъ, и не приспособляется къ уровню личнаго развитія, а напротивъ старается поднять этотъ уровень на высшую ступень. Политическія учрежденія должны удовлетворять требованіямъ людей, въ нихъ входящихъ; религіозныя учрежденія требуютъ сами отъ вступающихъ въ нихъ, чтобы они удовлетворяли требованіямъ религіи, на которой основывается данное учрежденіе,—церковь, секта или община. Несомнѣнно, что религія и въ особенности конкретное религіозное учрежденіе, преслѣдующее практическія задачи, должно считаться съ природой людей и съ ихъ современнымъ уровнемъ развитія. Съ другой стороны, политикъ можетъ и долженъ задаваться цѣлью улучшить человечество, расположить свой планъ общественнаго устройства такъ, чтобы, опираясь на существующій уровень развитія личности и этимъ приобретаемая устойчивость, онъ поощрялъ развитіе лучшихъ сторонъ человѣка и открывалъ возможность непрерывнаго прогресса въ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ только повышеніе уровня человечества это позволитъ. Въ этомъ одно изъ главныхъ достоинствъ демократическихъ свободныхъ учреждений. Но религія въ первомъ случаѣ не должна унижаться до компромиссовъ, противорѣчащихъ ея основнымъ требованіямъ, не должна освящать учрежденія и приемы политической дѣятельности, преграждающіе путь къ той идеальной высотѣ, куда религія желаетъ вести человечество; въ свою очередь политическая власть не должна, подъ рискомъ остаться безплодной, брать цѣликомъ нравственныя требованія идеальнаго характера и превращать ихъ въ обязательные законы, когда для нихъ нѣтъ еще до-

статочнаго основанія въ умахъ и въ условіяхъ общественной жизни. Было бы тщетно проповѣдывать чистое метафизическое представленіе о Божествѣ среди народа, не имѣющаго еще много, кромѣ мнѣологическаго, представленія о природѣ, и было бы безцѣльно декретировать закономъ вѣчный миръ на такомъ уровнѣ развитія общественныхъ учрежденій, когда государство не можетъ быть застраховано отъ нападенія сосѣдей, а каждый гражданинъ отъ нападенія разбойниковъ. Идя навстрѣчу другъ другу, религія и политика не должны, однако, ни на минуту упускать изъ виду свои спеціальныя задачи и переходить границы той области человѣческой жизни, которая отмежевана каждой изъ нихъ.

Равнымъ образомъ они не должны заимствовать другъ у друга и способовъ дѣйствія. Религія обращается къ личности и можетъ пользоваться только духовнымъ оружіемъ личнаго убѣжденія, ибо если она задается цѣлью пересоздать личность, то только этимъ оружіемъ можетъ проникнуть достаточно глубоко въ душу человѣка, чтобы произвести въ ней переворотъ. Всякое усиленіе религіознаго воздѣйствія путемъ внѣшняго законодательства, т.-е. внѣшняго давленія, даетъ лишь кратковременный внѣшній эффектъ и достигаетъ кажущагося успѣха цѣною отреченія отъ своей сущности; грубое прикосновеніе къ личности заставляетъ ее замыкаться и навѣки отталкиваетъ отъ той религіи, которая подвергла личность насилію въ самомъ интимномъ дѣлѣ совѣсти. Поэтому религія должна безусловно и навсегда отвергнуть всякое насиліе въ какой бы формѣ оно ни производилось, какими бы предлогами ни оправдывалось. Принужденіе неизбежно связано съ законодательной дѣятельностью, составляетъ отличительную черту юридической жизни народовъ, и потому никакое законодательство, хотя бы самое демократическое, не должно брать на себя того, что является дѣломъ вѣры. Въ этомъ смыслѣ религія анархична, ибо живетъ и дѣйствуетъ въ такой области человѣческаго духа, куда никакая власть не можетъ и не должна проникать. Кромѣ обезпеченія полной свободы совѣсти и религіозныхъ сообществъ съ цѣлью добровольнаго осуществленія задачъ религіи, законъ ничѣмъ не можетъ помочь религіи. Не положительную, а только отрицательную услугу долженъ онъ ей оказать, устранивъ внѣшнія препятствія къ ея развитію. Въ этомъ смыслѣ можно признать, что религія заинтересована въ установленіи свободнаго политическаго режима, потому что только при немъ можетъ быстрѣе всего развиваться. Даже самый деспотическій образъ правленія не составляетъ препятствія для распространенія новой религіи, но вредъ его заключается въ томъ, что онъ требуетъ отъ нея излишнихъ жертвъ, а главное накладываетъ на религію своеобразный отпечатокъ или суровой борьбы, или поднаго отреченія отъ внѣшняго міра, въ которомъ религія не встрѣчаетъ ничего, кромѣ вражды и притѣсненій. На все историческое христіанство наложила печать отвращенія отъ міра та борьба, какую ему пришлось выносить въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ своего существованія. Нѣжный ростокъ пробуждающагося религіознаго движенія можетъ быть смятъ и искривленъ какъ грубымъ давленіемъ, такъ и неумѣлой поддержкой: это

надлежало бы помнить всёми тѣми, кто видитъ въ настоящемъ какіе-либо задатки будущаго расцвѣта религіи и желалъ бы помочь религіозному возрожденію.

Политикъ, однако, не можетъ ограничиваться только тѣми мѣрами воздѣйствія, какія свойственны религіи. Онъ не можетъ «морализировать» съ высоты престола или съ парламентской трибуны; общественная жизнь требуетъ извѣстнаго внѣшняго устройства, которое должно быть охраняемо отъ покушеній на него, хотя бы внѣшнею силою. Нѣкоторые вопросы народной жизни слишкомъ остры и настоятельны, чтобы можно было ждать разрѣшенія ихъ отъ медленной эволюціи умовъ, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ случаяхъ несогласіе одного члена общества можетъ парализовать усилія всѣхъ остальныхъ: защита труда не можетъ быть предоставлена на добрую волю фабрикантовъ, потому что одинъ эксплуататоръ своей конкуренціей заставляеть и всѣхъ остальныхъ капиталистовъ примѣнять свои способы выжиманія дохода изъ рабочихъ. Народная нужда можетъ требовать помощи въ большемъ размѣрѣ и быстрѣе, чѣмъ это согласится сдѣлать идеалисты-собственники, и не благотворительность, а общественное благо имѣеть въ виду законодатель, поддерживая голоднаго и безработнаго. Проблема сопротивленія злу ставится въ политикѣ иначе, чѣмъ въ религіи, потому что политическій дѣятель имѣеть уже передъ собой унаслѣдованное отъ предковъ зло, потому что самое государство основывается на принужденіи, и пока не доказана возможность его отмѣны, до тѣхъ поръ будетъ рѣчь только о томъ, въ какую сторону направить мечъ закона, кого имъ надо охранять. Полное отрицаніе принудительнаго начала по рецепту Льва Толстого можетъ быть проведено въ жизнь только въ далекомъ будущемъ, а пока оно представило бы только поощреніе зла.

Близорукость, лишаящая ученіе Толстого практической примѣнимости къ жизни, показываетъ лучше всего, къ какимъ неудачнымъ результатамъ можетъ придти даже такой мыслитель при игнорированіи различія задачъ религіознаго движенія и политической дѣятельности.

Особенно труднымъ является вопросъ о взаимномъ вліяніи обоихъ факторовъ, ибо они непрерывно приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Вліяніе положительное сказывается въ томъ, что политика всегда имѣеть въ себѣ примѣсь идеализма, а этотъ въ свою очередь берется изъ области философской мысли или религіозныхъ вѣрованій. Но такъ какъ работа мысли и чувства идетъ независимо отъ политическихъ учреждений, то первые продвигаются далеко впередъ, когда политическія учреждения еще застыли въ старыхъ формахъ. Отсюда вѣковѣчная борьба между ними: политика прогрессивныхъ партій вдохновляется идеалами весьма близкими къ религіознымъ, даже когда они не имѣють сверхчувственнаго авторитета, и всегда консервативныя партіи бросаютъ своимъ противникамъ этотъ упрекъ въ утопичности, фантазерствѣ. Найти надлежащую мѣру порывамъ къ идеальному будущему, переложить утопію въ политическую программу есть дѣло, требующее величайшаго такта, и на немъ должна

доказать свою творческую способность политическая партія, берущаяся за ломку стараго во имя лучшаго новаго.

Задерживающее вліяніе религіи на политику сказывается въ томъ, что есть политическіе принципы и приемы, которые религія можетъ безусловно отвергнуть и этимъ оказать давленіе на политическую область. Такъ какъ религія имѣетъ дѣло съ личностью, а политику дѣлаютъ также личности, то волей-неволей въ своей политической дѣятельности они могутъ войти въ столкновеніе съ своей религіей, и для нихъ не какъ для политическихъ дѣятелей, а какъ для отдѣльныхъ личностей, возникнетъ вопросъ о примиреніи противоположныхъ требованій. Такое противорѣчіе усматривали истинные христіане еще въ XVI в. между рабствомъ и Христовымъ ученіемъ о братствѣ (Башкинъ), между обязанностями солдата и послѣдователя религіи мира и любви (римскій мученикъ Максимиліанъ), а для древнихъ христіанъ такимъ же роковымъ вопросомъ было столкновеніе официальныхъ обязанностей языческаго жертвоприношенія съ поклоненіемъ единому Богу.

Религія по своей абсолютной природѣ не можетъ допускать компромиссовъ, церковь не можетъ разрѣшать во имя политическихъ потребностей то, что категорически запрещается ея ученіемъ. Отсюда всегда происходила двойная опасность: или церковь идетъ на этотъ компромиссъ ради того, чтобы сохранить свое обезпеченное положеніе, — тогда она обращается постепенно въ рабу свѣтской власти, что случилось у насъ; или она требуетъ исполненія своихъ заповѣдей вопреки свѣтскимъ законамъ, но тогда она увлекается на путь борьбы съ свѣтской властью, переходя въ этой борьбѣ сама къ свѣтскому оружію насилія, и постепенно эта борьба изъ идейной превращается въ простое соперничество съ свѣтской властью изъ-за господства надъ толпой. Этимъ путемъ пошла католическая церковь. Только первоначальное христіанство нашло правильное рѣшеніе задачи: оно исполняло всѣ свѣтскіе законы, пока они не шли въ разрѣзъ съ христіанской совѣстью, и отвѣчало рѣшительнымъ сопротивленіемъ всему, что противорѣчило религіознымъ требованіямъ, но давало отпоръ не насиліемъ, а пассивнымъ сопротивленіемъ вплоть до мученичества. А такъ какъ все римское государство было пропитано идеями и обычаями, противными духу христіанства, то христіанское общество пришло въ силу непримиримости обоихъ началъ къ тому, что мы теперь назвали бы бойкотомъ государства, замыкаясь въ своемъ кругу и создавая рядомъ и внутри римскаго государства новую организацію, основанную на одномъ нравственномъ авторитетѣ, но настолько могучую, что она пережила желѣзную имперію и въ періодъ всеобщаго развала, во время переселенія народовъ была единственнымъ учрежденіемъ, уцѣлѣвшимъ отъ погрома, сохранившимъ и престижъ, и способность руководить населеніемъ тамъ, гдѣ съ политической точки зрѣнія, казалось, воцарилась полная анархія.

Итакъ, религія должна преслѣдовать свои особыя задачи своими же духовными способами, и несмотря на кажущуюся слабость этого воздѣйствія, оно глубже и прочнѣе политическаго. Религія опредѣляющимъ обра-

зомъ вліяеть и на политику, поскольку даетъ ей общіе директивы, идеалы и контролируетъ ея принципы и приемы борьбы. Но обратно религія никогда не должна поддаваться вліянію политики, стремиться къ политической власти, заимствовать у политическихъ партій ихъ оружіе и служить ихъ цѣлямъ. Единственное, что она можетъ требовать отъ свѣтской власти, это предоставленіе ей той свободы, какая вообще должна быть дана всякому проявленію человѣческой мысли и энергіи.

Политическіе дѣятели, являясь членами извѣстныхъ религіозныхъ обществъ, должны по самому существу религіи повиноваться голосу своей вѣры болѣе, чѣмъ политическимъ потребностямъ, они будутъ естественно въ своей политической дѣятельности защищать интересы того исповѣданія, къ какому принадлежатъ, но ни минуты не должны упускать изъ виду вѣчныхъ задачъ религіи изъ-за временныхъ интересовъ своихъ единовѣрцевъ. Возможно объединеніе людей разныхъ партій и классовъ для защиты угрожаемаго вѣронсповѣданія, каковую задачу сперва взялъ, на примѣръ, на себя германскій центръ, но не можетъ и не должно быть специальной религіозной партіи для служенія дѣлу религіи при помощи орудія государственной власти. Тѣмъ менѣе допустимо дѣлать религію орудіемъ служенія политическимъ партіямъ, будь то реакціонныя или революціонныя. Брать готовую программу политической партіи и прилѣплять къ ней религіозный ярлыкъ не значитъ придать ей всю ту силу, какою можетъ обладать религіозное движеніе, вытекающее изъ независимаго и глубокаго религіознаго одушевленія. Искусственно возбуждать это воодушевленіе для чисто политическихъ цѣлей не приведетъ ни къ какимъ полезнымъ результатамъ и только подорветъ престижъ религіи, во имя которой дѣлаются такіе опыты. Въ этомъ отчасти повинно Христіанское братство борьбы, поддавшееся искушенію самымъ примитивнымъ способомъ обратить религію на службу освободительному движенію. Оно не продѣлало необходимой самостоятельной переработки религіознаго ученія, не вывело изъ него стройно продуманнаго воззрѣнія на существующія общественныя отношенія и на задачи религіи, а перенесло цѣликомъ въ свое религіозное мировоззрѣніе программу и часть идей существующихъ партій, не позаботившись примирить возникшія отсюда противорѣчія. Оно идетъ обратнымъ порядкомъ, не отъ религіи спускаясь къ политикѣ, а отъ послѣдней восходя къ религіи.

Живое религіозное движеніе можетъ возникнуть только изъ глубины чисто религіознаго одушевленія; оно должно отвлечься отъ политической полемики и служить не злобѣ дня, а вѣчнымъ запросамъ человѣческаго духа. Только тогда можетъ оно глубоко всколыхнуть человѣчество и оказать существенное вліяніе на его исторію. Возможно ли такое движеніе въ настоящемъ, есть ли для него тѣ психическія и историческія условія, которыя создаютъ успѣхъ такихъ движеній, найдется ли въ душѣ современнаго человѣка источникъ религіознаго вдохновенія достаточно сильный, чтобы оплодотворить засохшее поле религіозной жизни,—это покажетъ будущее.

Н. Езерскій.